

Творчество защитников Отечества — фронтовиков

Александр СИЛИН

Край родной

Иногда заново сердце больно —
улетел бы птицею домой,
где меня встречает хлебом-солью
край курганский, близкий и родной.

Мне б взглянуть на домик у дороги,
что стоит, старая, у плетня,
на кусты сирени в огороде,
на седые в колке тополя.

Взять ружье, уйти на озерину,
слушать робкий шелест камыша,
на траву прилечь, на луговину,
пить осенний воздух не спеша.

На вечерней зорьке порывачить
под игру пискучих чебаков
да вдыхать душистый и горячий
утром запах рыбных пирогов.

А еще мне хочется, поверьте,
вспомнить, возле пашни проходя:
здесь когда-то жал на лобогрейке,
едким потом за день исходя.

Встать бы с бригадиром утром рано
да пройти тропинкой между поз,
поглядеть на жатву за курганом
на заре в осенний сухорос.

Растереть в руках усатый колос
и с ладони бросить зерна в рот,
над жнивьем печальный слушать голос
журавлей, поднявшихся в полет.

Жди меня, родное Каргаполье,
память детства, свет из той поры...
Я тебе в осеннее раздолье
привезу привет с Магнит-горы.

Слово о хлебе

Вокруг костра сидели лесорубы,
ворчал в ведре желанный кипяток,
сушились тут развешенные шубы
и шел в тиши негромкий говорок.

И в этот час один из лесорубов,
богатырю былинному подстать,
веселый парень Ленька Белозубов
в костер стал корки хлебные кидать.

Кидал он их сноровисто и быстро,
смотрел как пожирает хлеб огонь,
и в тишине таежной, словно выстрел,
раздался голос Лукича: «Не тронь!»

Седой Лукич, свернув сигарку,
подсел поближе на пенек,
в ведро забросил чай, заварку,
сказал: «Послушай, паренек!

Мы шли вдвоем из окруженья,
питались ягодой, травой,
духовной пищей — страстью мщенья,
мечтой о Родине своей.

Эх, только бы пробиться к нашим —
терзала думá нас одна,
неужто без вести пропавшим
тебя начнет считать страна?

Когда мы вышли на опушку,
я понял: больше не могу,
шептáл — ну хоть бы мне краюшку
ржаного хлеба на поду!

Каким он был для нас желанным!
А сил уж не было идти,
за лесом, темным и коварным,
село лежало на пути.

Как только сумерки ступились,
навис туман среди рябин.
На всякий случай мы простились,
и он пошел в село один.

Я ждал его душой и верой,
всю ночь не спавши напролет...
И он пришел с буханкой серой,
смертельно раненный в живот.

В бреду под темной звездной крышей
шептáл он что-то, не поймешь...
Но все же я с трудом услышал
его слова: «Теперь дойдешь»...

Оставил друга я навеки
лежать в чужом сыром бору.
Но сколько б не жил я на свете,
я перед ним всегда в долгу.

Тебе же заповедь простая,
ее усвой на целый век,
что перед хлебным караваем
снимает шапку человек.

Легенда

Злой темник, выгнувшись над гривой
степного дикого коня,
пустил стрелу с тугой тетивы
на восходе солнечного дня.

И луки песнею запели
в руках суровых степняков,
и роем стрелы полетели
из рук воинственных стрелков.

Но вдруг в испуге встрепенулась
монголов пестрая орда,
увидев: стрелы притянула
за речкой рыжая гора.

Летели стрелы плотной тучей,
стонали, пели на ветру,
и с легким посвистом шипучим
вливались в гору поутру.

И в страхе «тьма» загомонила,
незримых, тайных сил боясь,
«Шайтаном» гору окрестила
и в степь лавиной унеслась...

Вечер пал на озеро Кулаш,
затаились камыши в тумане,
у костра охотничий шалаш
да ворчит похлебка на тагане.

Затухает над угорьем просинь,
стаи уток режут небеса.
К шалашу подкралась тенью осень,
в сумерках прохлада принесся.

Я иду по ситцевому колку,
пахнет прелью рыжая трава,
и грачи горланят без умолку,
словно на прогулке детвора.

Вот она, отцовская могила,
обросла кудрявым вишняком,
ветви к ней берега наклонили,
шепчется с осенним ветерком.

Рядом — мать, с которой жил полвека
мой отец, природный крестьянин...
И лежат в земле два человека,
и не знают, что пришел к ним сын.

Давным-давно, в суровом поле,
где от костров струился дым,
за камнем диким, на Тоболе,
шатры раскинул хан Кадыр.

В шатре, увенчанном коврами,
как в небе утреннем заря,
смуглянка с черными глазами
в тоске томилась — Назия.

Однажды в стан отца-Кадыра
красавца-пленника ввели,
русоволосого батыра
к шатру Назии подвели.

«Встань на колени, пес несчастный!
Откуда к нам ты залетел?» —
раздался голос хана властный,
и меч зловеще просвистел.

«Нет! На колени я не встану!
Я лучше мертвым упаду!
Но и любить не перестану
Назию юную твою!»

Казнить его решение принял
суровый, хмурый, властный хан.
И всадник с ловкостью накиннул
на шею пленника аркан.

«Отец! Хоть он не нашей крови,
но полюбила я его!
Я выступаю против воли
твоей для счастья моего.

Сюда пришел он не с разбоем», —
отцу твердила Назия.
«Прошу, оставь же жизнь герою,
и осчастливишь ты меня».

Не внял хан просьбе Назии
и ночью все решил иначе.
Под сенью утренней зари
стан захлебнулся в жутком плаче.

А над могилою казненных
заставил холм насыпать хан...
И вечной памятью влюбленных
громадой встал Царев Курган.

Владимир БАКАНОВ

Волк с топором

Басня

Однажды Волк с охоты брел понурый.
С его плеча пустой рюкзак свисал.
Был серый худ, просторна стала шкура...
Откуда ни возьмись — Лиса.

Известно: Волк с Лисой — давняя родня.
Сойдутся вместе — мало дня.
— Кого я вижу, здравствуй, куманек!
Опять пустой, а дома ждут детишки?..

— Почтение, кума! Присядем на пенек.
Нет дичи. Не идет. Такие вот коврижки...
Тебе, я вижу, место впрок.
Пышна ты стала телом.

Знать, накопила кой-какой жирок?
Мне рядом не найдется дела?
— Найдется, есть! Сказал намедни САМ,
что рубщик мяса нужен нам.

И вот наш Волк при месте, с топором.
Кромсает на куски коровьи туши.
Ему теперь все в спину: дождь и гром,
как говорится, он живет не тужит.

Топориком все тюк да тюк
(приятен Волку этот звук),
глядяшь — и не проходит часа,
летит в рюкзак кусочек мяса.

А через месяц, может два,
Волк посвежел, стал мордой гладок,
забыл, как ноги нес едва,
когда делишки шли в упадок.

Мораль здесь вовсе не нова:
возьмет волчище с туши по кусочку,
то сложится корова.
Да не простая, а картинка:

без ног и без хвоста — одна грудинка.
И меж людей такие волки есть,
за счет других привывшие поесть.

Михаил РОТАНОВ

Беглец

Из записок инспектора
уголовного розыска

Городским отделом милиции продолжи-
тельное время разыскивался злостный непла-
тельщик алиментов Сошников Леонид Ивано-
вич, который, оставив жену и двух малолет-
них детей, из города скрылся.

В ходе розыска было установлено: Сошни-
ков являлся воспитанником детского дома,
родственников и близких связей ни с кем не
поддерживал. Воинскую службу проходил в
Самарканде, склонен к спиртному, особых
примет не имеет. Других данных, могущих
способствовать розыску бегавшего, получе-
но не было. От быстрого розыска Сошникова
во многом зависело благосостояние его се-
мьи, которая остро нуждалась не только в
материальной помощи, но и в отцовской за-
боте.

Розыскные задания, направляемые инспек-
тором Чесноковым в места предполагаемого
проживания Сошникова, желаемых результа-
тов не приносили...

Бегавшие неплательщики алиментов, гас-
тролируя по стране и потратив свои скудные
денежные средства, нередко становятся на
путь преступления и садятся на скамью под-
судимых. Иные собираются в мелкие группы
так называемых шабашников и в период теп-
ла выполняют временные работы на селе.
Слабовольные и опустившиеся неплательщи-
ки алиментов занимаются бродяжничеством
и попрошайничеством. Часть из них становят-
ся жертвами дорожно-транспортных и дру-
гих происшествий с регистрацией смерти, как
неустановленных лиц.

Случалось и такое: разыскиваемые, скры-
ваясь на юге нашей страны, выполняли рабо-
ту на мелких предприятиях вместо кадровых
рабочих, за что получали с них наличными по
два-три рубля в день. Им же давали возмож-
ность беспрепятственно вывозить и прода-
вать свои овощи и фрукты на рынках сел и
городов Центральной России и Крайнего Се-
вера.

Розыск Сошникова продолжался.
Прямые и косвенные упреки истицы в сла-
бом, а то и плохом ведении розыска ее мужа
не раз ставили в неловкое положение инспек-
тора. Сошников же продолжал безнаказан-
но скрываться от своих детей.

Исчерпав все возможности и «зацепки»,
могущие способствовать розыску Сошнико-
ва, инспектор решил проверить его по уче-
там отдела кадров передвижной механизиро-
ванной колонны строителей газопровода
«Бухара-Урал», где ранее неоднократно до-
пускались случаи нарушения паспортного
режима, связанного с оформлением на рабо-
ту лиц без прописки.

Ответ, полученный из Бухары, подтвердил
предположение инспектора. Сошников дей-
ствительно ранее работал в колонне элект-
росварщиком, где из-за постоянных наруше-
ний трудовой дисциплины поспорил с про-
рабом, самовольно оставил работу и скрыл-
ся. Вместе с ним работу бросил и его друг
Шевцов, который неоднократно уговаривал
своих товарищей по бригаде поехать за
«длинным» рублем в Салехард, где легко ус-
троиться на работу в геологоразведочную
партию.

Эти скромные, но обнадеживающие сведе-
ния ускорили розыск и задержание злобно-
го неплательщика алиментов Леонида Сошни-
кова.

В розыске неплательщиков алиментов, хотя
и редко, но случалось такое, когда престаре-
лые отцы-беглецы или матери, не заработав
трудоустройство и пенсии, обращались за
материальной помощью по старости к своим
взрослым детям, проклиная свои сумбурно
прожитые молодые годы. Но их дети и на-
родный суд таким горе-родителям давали от-
ворот поворот.

Иван ЕФАНОВ, инвалид войны

Алексей ИВАКИН

Где-то в этих лесах недалеко,
за Вишневою, быть может, горой,
проживает Ивакин Алеха —
в полосатой тельняшке «братан» боевой.

Пробивал у Одессы блокады кольцо,
на шаланде приплыл в Севастополь...
Хмур он был,
но красив своим русским лицом...
... Через год к Сталинграду притопап.

В толчее, на базаре, в Магнитке
мне увидеть его привелось:
нескрываемых шрамов в избытке
и осколками срубленный нос.

После мог лишь тому подивиться:
задохнулся, не мог закричать...
Мы героям рисуем прекрасные лица,
а война прилепила другую печать.

До войны — молодец конопатый,
и воспитан хорошим отцом...
Да случилось — фашистской гранатой
разорвало Алеше лицо.

Упрятал в шкаф, в шкатулку все медали,
а их ему за три твердыни дали.
Пойми меня, мол, правильно, старик:
не соответствует иконостасу лик.

Где теперь: далеко ль, недалеко,
за Вишневою, за Лисей, за Волчьей горой,
приютился морской пехотинец Алеха —
в серых буднях забытый герой.

Александр НИКУЛИН

Воздух Родины. Шаткость причала.
Свист небрежных лихих соловьев.
Как оно незаметно промчалось —
довоенное детство мое.

Я вернулся, я радугу вспомнил.
Цвет сирени пылает в глаза.
Я на Родине, я не бездомный.
Позади всех морей паруса.

Позади — что век не забудешь:
дни войны, мерзлота, лагеря...
Ну так здравствуйте, русские люди,
здравствуй, милая сердцу заря.

Воздух Родины. Шаткость причала.
Свист небрежных лихих соловьев.
И на сердце уже полегало,
и вернется детство мое.